

Научная статья

УДК 81'37:398.224(=571.512)

DOI 10.25587/2782-4861-2025-3-188-197

ОБРАЗНАЯ ЛЕКСИКА ЗВУКОМИМИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩАЯ ВЫРАЖЕНИЕ ЛИЦА ПЕРСОНАЖЕЙ ОЛОНХО

Е. Е. Жиркова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия

e-mail: jenyasyr@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается образная лексика звукомимического происхождения, характеризующая выражения лица персонажей олонхо. Основой исследования послужило положение Л. Н. Харитоновой о том, что в образной лексике якутского языка есть небольшая группа слов, характеризующих выражение лица и мимику человека, которая называется «образные глаголы с корнями звукомимического происхождения». Цель статьи определить особенности образных слов звукомимического происхождения в рамках эпического текста. Актуальность исследования определяется тем, что звукоизобразительная система якутского языка как художественное средство в эпическом тексте еще не изучена в полной мере. В ходе исследования применены методы анализа словарных дефиниций, описательный метод лингвистического материала, компонентный анализ семантики и фоносемантический анализ слов. Новизной исследования является то, что впервые на материале якутского героического эпоса олонхо проводится специальное исследование якутских образных глаголов звукомимического происхождения. В качестве материала привлечены тексты олонхо: «Строптивый Кулун Куллустуур» И. Г. Тимофеева-Теплоухова, «Кыыс Дэбиллэй» Н. П. Бурнашева, «Хаан Джаргыстай» неизвестного сказителя из Верхоянского улуса, «Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта» П. П. Ядрихинского – Бэдьээлэ, «Юрюнг Юедюйан» А. С. Порядина.

В результате проведенного анализа установлено, что в текстах олонхо звукомимическое происхождение образных глаголов отражается в лексике с семантикой «улыбка» (*мичий, ымай, ырдьай*), «открытый рот» (*аптай, амай, ангай*). Также выявлено, что гласные звуки в составе основ образных глаголов (*сыл-, сөтөр-, сөл-*) выполняют основную звукомимическую функцию, т. е. при произнесении гласных рот и губы буквально принимают то же положение, что и описываемое выражение лица. Установлено, что описываемое посредством образной лексики звукомимического происхождения выражение лица персонажей олонхо (сдержанная улыбка, оскал, открытый рот) является атрибутом, признаком принадлежности к определенному миру.

Перспективы дальнейшего исследования особенностей образной лексики якутского языка в рамках эпического текста мы видим в обращении к большему объему материала данной лексики.

Ключевые слова: эпос; эпический текст; олонхо; якутский язык; звукоизобразительная система; фоносемантика; образная лексика; слова звукомимического происхождения; мимика; портретная характеристика персонажа

Для цитирования: Жиркова Е. Е. Образная лексика звукомимического происхождения, характеризующая выражение лица персонажей олонхо. *Эпосоведение*. 2025;3(39):188–197. <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-3-188-197>.

Original article

Figurative vocabulary of sound-mimic origin characterizing facial expressions of olonkho characters

Evgeniya E. Zhirkova

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

e-mail: jenyasyr@mail.ru

Abstract. The article examines figurative vocabulary of sound-mimic origin characterizing facial expressions of olonkho characters. The basis of the study was the position by L. N. Kharitonov that in the figurative vocabulary of the Yakut language there is a small group of words characterizing human facial expressions, which is called “figurative verbs with roots of sound-mimic origin”. The purpose of the article is to determine the features of figurative words of sound-mimic origin within the framework of the epic text. The relevance of the study is determined by the fact that the sound-pictorial system of the Yakut language as an artistic means in the epic text has not yet been fully studied. In the course of the study, the methods of analysis of dictionary definitions, the descriptive method of linguistic material, component analysis of semantics and phonosemantic analysis of words were used. The novelty of the study is that for the first time, a special study of the Yakut figurative verbs of sound-mimetic origin is carried out on the material of the Yakut heroic epic olonkho. The following olonkho texts were used as material: “Obstinate Kulun Kullustuur” by I. G. Timofeev-Teploukhov, “Kyys Debiliye” by N. P. Burnasheva, “Khaan Dzhangystai” by an unknown storyteller from the Verkhoyansk ulus, “Bogatyr Girl Dzhyrybyna Dzhyrylyatta” by P. P. Yadrinkhinsky – Bedjele, “Yuryung Yuedyuyan” by A. S. Poryadin. As a result of the analysis, it was established that in the olonkho texts, the onomatopoeic origin of figurative verbs is reflected in the vocabulary with the semantics of “smile” (*michiy, ymay, yrdjay*), “open mouth” (*appay, amay, angay*). It was also revealed that the vowel sounds in the stems of figurative verbs (*syl-, seter-, sel-*) perform the main onomatopoeic function, i. e. when pronouncing vowels, the mouth and lips literally take the same position as the facial expression being described. It has been established that the facial expression of the olonkho characters (restrained smile, grin, open mouth) described by means of figurative vocabulary of sound-mimic origin is an attribute, a sign of belonging to a certain world.

We see prospects for further research into the features of the figurative vocabulary of the Yakut language within the framework of the epic text in turning to a larger volume of material of this vocabulary.

Keywords: epic; epic text; olonkho; Yakut language; sound-pictorial system; phonosemantics; figurative vocabulary; words of sound-mimic origin; facial expressions; portrait characteristics of the character

For citation: Zhirkova, E. E. Figurative vocabulary of sound-mimic origin characterizing the facial expression of the olonkho characters. *Eposovedenie*. 2025;3(39):188–197 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2025-3-188-197>.

Введение

Тексты олонхо богаты красочным и детальным описанием природы, персонажей, событий эпического мира. Нередко описания занимают несколько страниц. Во многом это зависит от мастерства сказителя: его опыта, воображения, таланта. Ключевую роль в описаниях в олонхо играет образная лексика якутского языка, которой характерны меткое, точное и детальное описание целой картины, заключенное в одном слове. Эту способность образных слов отметили еще первые исследователи якутского языка: С. В. Ястремский называл их «образные речения» [1, с. 36–37], А. Е. Кулаковский – «картинные слова» [2, с. 385].

В лингвофольклористике исследований по языковым средствам в описании внешности персонажей не так много. Можно выделить ряд статей, выполненных по разным аспектам: в рамках изучения лексических средств в фольклорных текстах – С. А. Герасимова [3] (мансийские героические тексты), А. Р. Рахимова [4] (татарская версия эпоса «Идегей»), в свете когнитивной лингвистики – Ю. П. Борисов [5], Л. Н. Герасимова [6], Е. Е. Жиркова [7] (якутское олонхо).

В настоящей статье рассматривается образная лексика звукомимического происхождения, характеризующая выражение лица персонажей олонхо. Выражение лица как форма невербальной коммуникации позволяет получать и передавать информацию о психическом состоянии, настроении, эмоциях человека. В олонхо с его насыщенным и богатым сюжетом эмоции персонажей в разных ситуациях представлены широко и разнообразно.

Основой исследования послужило положение Л. Н. Харитонова о том, что существует «небольшая группа образных глаголов, характеризующих главным образом мимику и мину лица, преимущественно обусловленную различным положением губ и связываемую с определенным звукопроизношением» [8, с. 219]. Исследователь назвал эту группу образными глаголами звукомимического происхождения. Принципиальным отличием от образных глаголов с корнями звукоподражательного происхождения является то, что звукомимические корни не имеют прямой связи с непосредственным подражанием звуку, а скорее с «непроизвольным звукоиспусканием, органически входящим в состав всего сложного комплекса образного восприятия» [8, с. 219]. Например, при произнесении звука *моо* губы вытягиваются вперед и округляются, при этом щеки немного втягиваются вовнутрь. Отсюда значение образного глагола *морбой* «иметь круто выступающие скулы и выступающие толстые губы, углы которых несколько оттянуты книзу» [там же].

В отечественной фоносемантике звукомимические слова соотносятся с мимеоинтракинесемизмами С. В. Воронина [9, с. 93], в основу которых лежат мимеоинтракинемы – «мимические рефлекторные и “выразительные” движения “в чистом виде”, без звукового (фонического) компонента» [9, с. 76]. К мимеоинтракинемам С. В. Воронин относит такие рефлекторные движения, как высовывание языка (от жары), облизывание языком губ, мигание, моргание, щурение, нахмуривание, выпячивание нижней челюсти (мимика упрямства, упорства), сжатие губ, выпячивание нижней губы, надувание губ, улыбка, слюноотделение [там же]. В качестве примера мимеоинтракинесемизма приводятся слова, обозначающие улыбку в разных языках (англ. *smile* ‘улыбаться’, якут. *мичий* ‘слегка улыбаться’, *мычай* ‘ухмыляться’, вепсск. *tuheita* ‘улыбаться’, эвен. *мусън* ‘усмехаться’, зап.-судан. *туа* ‘улыбаться; смеяться’). С. В. Воронин отметил, что наиболее распространенным типом обозначения улыбки является тип, образованный лабиальным носовым *м/т* [9, с. 93].

На роль в обозначении звука определенных органов, производящих звук, указывал еще чешский лингвист В. Скаличка в своей статье по венгерским звукоподражательным выражениям: «Для слов, доминирующими компонентами которых являются звуки и движения, самыми важными являются те части тела, которые связаны с какими-нибудь акустическими и двигательными представлениями. Конкретно речь идет 1) о рте, 2) о руках, 3) о ногах. С ними звук и движение связываются наиболее часто. Речь идет в данном случае о звуках при разговоре или еде (разговор, крик, заикание, хохот, причмокивание и т.п.), при движении рук (нажатие, резание), при ходьбе (топтанье, хромота и т.п.)» [10, с. 292].

Кроме этого, к якутским образным словам звукомимического происхождения как к языковому явлению наиболее близок «артикуляционный символизм» у японских оноματοпозитиков, предложенных С. В. Чироновым, который определяется как «механизм, когда используются аналогии с формой и движением органов речи» [11, с. 152]. Исследователь отмечает, что «таким образом формируется описание не только действий и состояний органов речи, но также и человеческой мимики. ... оноματοпы со слогом *гэ* приближенно повторяют напряжение мышц гортани при рвоте (*гэЪ*, *гэроЪ*), отрыжке (*гэбуЪ*), *гу* и *го* – при глотке (ядра <*губи*>, <*гудэ*>, <*гоку*>) и т. п.» [там же].

Опираясь на вышеизложенные положения, целью исследования ставим определение особенностей образной лексики звукомимического происхождения, используемой для описания выражения лица персонажей олонхо. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения звукоизобразительной системы якутского языка как художественного средства

в эпическом тексте. Для достижения цели поставлены следующие задачи: изучить тексты олонхо на наличие в них образной лексики с звукомимическим происхождением; провести компонентный анализ семантики и фоносемантический анализ обнаруженной образной лексики; определить роль образной лексики с звукомимическим происхождением в портретной характеристике персонажей олонхо. В ходе исследования применены методы анализа словарных дефиниций, описательный метод лингвистического материала, компонентный анализ семантики и фоносемантический анализ слов. Новизна предпринятого исследования заключается в том, что впервые на материале якутского героического эпоса олонхо проводится специальное исследование якутских образных глаголов звукомимического происхождения.

Теоретической основой предпринятого исследования послужили труды по образной (подражательной/изобразительной/звукосимволической) лексике в разных лингвистических традициях. В якутском языке основные теоретические положения по образной лексике разработаны Л. Н. Харитоновым [8], его исследованиях дана подробная фонетико-морфологическая и семантическая характеристика образных глаголов. Фоносемантическую сторону образных слов рассмотрел Л. А. Афанасьев [12], семантика образных прилагательных в сравнительном плане с материалом бурятского и киргизского языков была исследована С. Д. Егиновой [13], экспрессивная сторона образной лексики изучена А. М. Николаевой [14]. В тюрко-монгольском языкознании знаменательны работы: по бурятским изобразительным словам Л. Д. Шагдарова [15], в фоносемантическом плане Е. В. Сундуевой [16]; по киргизским подражательным словам С. Кудайбергенова [17]; по казахским подражательным словам А. И. Исхакова [18], К. Ш. Хусаинова [19]. Из отечественной лингвистики были использованы труды С. В. Воронина [9], А. Б. Михалева [20], разработавших теоретические положения о фоносемантике как отдельной области языкознания.

В статье для изучения особенностей образной лексики, характеризующей выражение лица персонажей олонхо, были использованы тексты олонхо: «Строптивный Кулун Куллустуур» («Куруубай хааннаах Кулун Куллустуур») [21; 22] чурапчинского олонхосута И. Г. Тимофеева-Теплоухова, «Кыыс Дэбилийэ» [23] усть-алданского олонхосута Н. П. Бурнашева, «Хаан Джаргыстай» («Хаан Дьаргыстай») [24; 25] неизвестного сказителя из Верхоянского улуса, «Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта» («Дьырыбына Дьырылыатта кыыс бухатыыр») [26] намского олонхосута П. П. Ядрихинского – Бэдьээлэ, «Юрюнг Юедюйян» («Үрүҥ Үөдүйээн») [27] мегино-кангаласского олонхосута А. С. Порядина. В общей сложности объем рассмотренных текстов составил 2293 п. л. (59 450 строк).

Образная лексика, характеризующая выражение лица

В рассмотренных текстах олонхо образная лексика, характеризующая выражение лица, передает разные эмоции и состояния: радость, недоумение, печаль, возбуждение. Все это передается разным положением губ, рта и движением мышц лица.

Эмоция радости передается через изображение улыбки образными глаголами с основной мич-: *мичий* / *мичик гын* (светиться, сиять тихой улыбкой [28, Т. 6, с. 267]), *мичилий* (светиться улыбкой, лучиться радостью [28, Т. 6, с. 268]), *мичээрдээ* (светиться улыбкой, лучиться радостью; радоваться искренне, от души [28, Т. 6, с. 268]). Все эти глаголы описывают сдержанную улыбку, которая в текстах олонхо характерна для представителей Среднего и Верхнего миров, т. е. людей и божеств. К примеру, [*Күн Толомон Ньургустай*] *кулум гына кулэ-кулэ, мичик гына мичээрдии-мичээрдии, ... таҥаһын-сэбин аҕалан өрөһөлүү ууран биэрдэ* [21, с. 142] ‘Радостно посмеиваясь, приветливо улыбаясь, выложила она перед ним все облачение свое’ [21, с. 410]. Здесь речь идет об удаганке, жене главного героя олонхо «Строптивный Кулун Куллустуур». Она выполняет ключевую роль в сюжете всего олонхо: она сама сватается, но получает отказ, при этом не оставляет попыток вразумить жениха; после женитьбы она практически занимает роль главы семьи, наравне с богатырями сражается с абаасы, следит за судьбой своих детей [21, с. 568].

Второй пример использования образного глагола *мичий* в олонхо «Строптивый Кулун Кул-лустуур» относится к духам матери-земли: [*Бэбиэрэ Хотун, Аан Мичик Хотун*] *Кулүм-кулүм кулбэхтээтилэр, / Мичик-мичик мичээрдээтилэр* [21, с. 164] ‘Ласково заулыбались, / **Приветливо засмеялись**’ [21, с. 430]. Показавшись из холма у божественного прохода, духи матери-земли с приветливой улыбкой благословили героиню на счастливую жизнь. Примечательно, что в составе имен одной из духов присутствует слово *Мичик* (*Аан Мичик Хотун*), которое так же образовано от глагола *мичий*.

Сдержанная улыбка как признак божественности и благородности в олонхо также подтверждается примерами из олонхо «Кыыс Дэбилийэ». Так, образный глагол с основой *мич-* обнаруживаем в описании богатырки айыы: *Онуоха Аан Ахталыйа / Чараас чараастык чапчылыйан, / Минньигэс-минньигэстик мичилийэн кэбиһэ-кэбиһэ* ‘На это Аан Ахталыйа, / тонкими веками мигая, / ласково-ласково **улыбаясь**, [промолвила]’ [23, с. 198–199]; при обращении к духу-хозяйке земли: *Аан дайды иччитэ / Аан Алахчын Хатын / Бэттэх көрөн мичик гын!* ‘Дух-хозяйка изначальной земли / Аан Алахчын Хатын, / в эту сторону погляди-**улыбнись!**’ [23, с. 254–255].

В противовес сдержанной благородной улыбке жителей Верхнего и Среднего миров, улыбка представителей Нижнего мира абаасы описывается как оскал животного. Например, в олонхо «Хаан Джаргыстай»: *Ымах-ымах, / Ырдыс-ырдыс соньюйан кэбистэ* [24, с. 53] ‘Увидав же этого человека, начал **страшно улыбаться**’ [25, с. 155]. Практически идентичный, но более развернутый пример находим в олонхо «Юрюнг Юедюйээн»: *Тимир Суодуяа обургу / Сыыр быстыбытын курдук / Сылластыгас сырайынан / Ымах-ымах гыммыт, / Дьэбиннээх саастыгы / Хардарыта туппук курдук / Тимир лиһигир тиһинэн / Ырдыс-ырдыс гыммыт* [27, с. 183] ‘Тимир Суодуяа / Подобно оборвавшемуся берегу / Со сморщенным лицом / **Страшно улыбнулся**, / Подобно ржавым заступам, / Сложенных друг против друга, / Железными зубами звеня, / **Оскалился**’¹. Здесь удвоенные образные слова *ымах-ымах* образованы от *ымай* («неодобр. улыбаться, усмехаться, расплываться в улыбке» [28, Т. 14, с. 428]) и *ырдыс-ырдыс* от *ырдыай* («скалить зубы, скалиться» [28, Т. 14, с. 485]), они изображают улыбку в присущей для абаасы зловещей манере.

Образные глаголы, содержащие в себе семантику улыбки, по природе своей звукомимичны, т. е. присутствует прямая связь значения и положения органов речи или части лица при произнесении слова. В якутском языке впервые на эту связь, как отмечалось выше, обратил внимание Л. Н. Харитонов [8, с. 219–220]. Так, при произнесении слова *мичий* губы слегка оттягиваются в сторону, при этом за счет закрытого гласного *и* рот почти не открывается. При произнесении *ымай* губы сильно растягиваются в сторону, зубы обнажаются. Основа *ыр-* образного глагола *ырдыай*, по мнению Л. Н. Харитонova, является «подражанием ворчанию, спокойному рычанию зверя, при котором рот (пасть) закрыт, а зубы обнажаются приподнятием губ (собственно верхней губы)» [8, с. 219].

Часто в текстах олонхо представители Нижнего мира описываются намеренно комично. Они представлены как простоватые, глупые и недалекие существа. Глуповатое, недоумевающее выражение лица абаасы передается через представление об открытом рте. В текстах рассмотренных олонхо этот образ передается через форму равномерной кратности образного глагола с семантикой «открытый рот» *аппай* (приоткрываться, закрываться не вплотную; беспечно широко разевать рот [29, Т. 1, с. 505–506]): *Абааһы уола / Амаан-дьамаан аппаннаан, / ... / Бэригилдьийэн тиийэн, / Биһл баттанан биэкэйдэ* [22, с. 219] ‘Абаасы, **нелепо разевая** рот, вприпрыжку подошел и схватился за бока’. Похожее описание глупого выражения лица абаасы находим в другом олонхо: *Сыыр быстыбытын курдук / Сылластыгас сымыһахтаах, / Аппа-дьаппа курдук / Амаан-ньамаан айахтаах* ‘будто пригорок-оползень оторвавшийся, / отвислая нижняя губа у него; / будто ложбина-расщелина, / **безобразный рот-впадина** у него’ [23, с. 134–135].

¹ Здесь и далее перевод автора

В этих двух примерах парные образные слова *амаан-дьямаан* и *амаан-ньямаан* образованы от глагола *амай* (добродушно, глупо улыбаться широко раскрывая рот [29, Т. 1, с. 446–447]) и его фонетического дублета, который не имеет самостоятельного лексического значения [30, с. 383]. Э. К. Пекарский *амаан-ньямаан* определяет, как «нелепый рот; безалаберный рот (о рте абаасы)» [31, Т. 1, стб. 96]. Подобные парные образные слова часто в современных словарях не фиксируются, т. к. носят окказиональный характер и встречаются только в разговорной речи или в фольклорных текстах.

Постоянно открытый рот как признак принадлежности к Нижнему миру также проявляется в следующем примере через образный глагол *ангай* (зиять большим и черным отверстием; распахиваться, раскрываться широко; раскрыв рот, стоять неподвижно как вкопанный (от испуга, удивления и пр.) [29, Т. 1, с. 495–496]): *Арай бишрдэ үс абааһы кыһа / Дьэбиннээх харахтарын тизэрэ көрөн, / Архахтаах айахтарын аначчы атан, / ... / Монгол дьизэлэрин ааныгар / Үхүтэбис тэнгэ кэлэн / Үмүөрүһэ түстүлэр* ‘только вдруг три девки-абаасы, / ржавые глаза скосив-выпучив, / воспаленные рты широко разинув, / у дверей большого дома своего / все трое одновременно / сразу вместе явились’ [23, с. 94–95].

В рассмотренных образных глаголах с семантикой «открытый рот» также проявляется их звукомимическое происхождение. В целом *а* как открытая гласная передает представление о чем-то распахнутом, широком, открытом. Л. А. Афанасьев считал, что идеофонема *а* в образных слова, описывающих форму, придает значение «предельно большого пространственного охвата» [12, с. 45].

Безобразный вид абаасы, его устрашающую мимику сказитель передает следующим образом: *Сылла-мылла сырайа сылангнаан, / Амаан-дьямаан айаба дьяадьангнаан, / Дэгийэ хара тиһэ килэнни, / Дьэбин уоһуйан турдаба* ‘Рожа **противную искривляя**, / Рот широкий раскрывая, / Острые зубы чёрные выставляя, / Молча стоял-глядел’ [26, с. 234]. В данном примере образный глагол *сыллай* (сдвинуться, образуя толстые складки; иметь короткое и толстое лицо; иметь чрезмерно толстые и вывернутые губы [8, с. 298]) задействован дважды: *сылла-мылла* – в качестве парных слов, второй компонент которых является фонетическим дублетом первого без самостоятельного лексического значения (как и в случае с *амаан-дьямаан*, окказионален) и *сылангнаа* – в форме равномерной кратности. Звукомимичность в данном примере проявляется через основу *сыл-*, при произнесении которой губы растягиваются в сторону, образуя складки на лице, тем самым дается представление о неприятном виде лица абаасы. Двойное использование основы *сыл-* продиктовано горизонтальной аллитерацией, а также усиливает эффект.

Возбужденное состояние богатыря от того, что ему не терпится отправиться в бой поместиться силами, представлено через такое выражение лица: *Үһээ уоһа өрө сөтөрүччү тарта, / Аллараа сымыһаба аллара **сылларыччы тарта*** ‘верхняя губа вверх **оттопырилась**, / нижняя губа его вниз **отвисла**’ [23, с. 104–105], где наречие *сөтөрүччү* образовано от образного глагола *сөтөрүй* (быть чуть вздёрнутым вверх по краям (напр., о губах человека) [28, Т. 9, с. 98]), а *сылларыччы* – от *сылларый*, который в свою очередь является формой подвижности от образного глагола *сыллай* (быть вывернутым наружу (о толстых губах) [28, Т. 9, с. 409]). При этом у богатыря практически происходит припадок: у него напрягаются все мышцы тела, он выпрямляется, бьется головой об столб. Здесь обратим внимание на то, что выражение лица довольно комично, что не характерно для поведения богатыря Среднего мира, т. к. в данном случае речь идет о богатыре, воспитанном матерью-абаасы. Возможно, таким изображением сказитель хотел подчеркнуть его необычное происхождение.

При произнесении образного глагола *сөтөрүй* за счет гласных *ө* губы принимают ровно то положение, которое описано в определении этого слова. При произнесении гласного *ө* губы округляются и выпячиваются, оттягивая верхнюю губу вверх. В образном глаголе *сыллай* гласный *ы* растягивает губы в сторону, при произнесении последующих за ним согласных *лл* губы

не смыкаются, тем самым фиксируют их положение. Здесь необходимо отметить, что образный глагол *сыллай* является полисемичным и может иметь несколько референтов (в нашем случае – лицо и нижняя губа), но при этом звукомимическая основа, связанная с положением губ при произнесении слова, остается неизменной.

Печальное выражение лица богатыря-раба Кыыс Дэбилийэ изображено следующим образом: *сөрүө сирэйин сөллөһнөөтө / уоһун-тиһин төртөннөөтө турбуттааба* ‘лицо **горестно скривив**, / печально губами шевеля, стал говорить’ [23, с. 192–193]. *Сөллөһнөө* (о губах: оттопыриваться так, что обнаруживаются внутренние стенки губ [31, Т. 2, стб. 2301]) является формой равномерной кратности образного глагола *сөллөй* (быть длиннлицым с отвислой губой, иметь такой вид [28, Т. 9, с. 65]), при этом *сөллөй* чаще всего используется для изображения печального, грустного лица (см. словарную статью [там же]). Этот вид богатыря-раба выражает раскаянье, т. к. его освободили из-под заточения, куда он попал когда-то по своей вине, посмеив посягнуть на честь богатырки.

Образный глагол *сөллөй* является вариацией звуко-типа с общей семантикой «толстые, отвислые нижние губы» (ср.: *быллай, тэллэй, эллэй, соллой, сөллөй* и др.). Однако здесь за счет гласного *ө* добавляется дополнительное значение «длинное лицо», т. к. при произнесении *ө* лицо слегка вытягивается в длину.

Обида и досада богатырки из-за упущенного врага в тексте олонхо выражено следующим образом: *Дьырыбына Дьырылыатта / Кыыс бухатыыр обургу / Сыһа тутан **сымарынна**, / Халты харбаан хабырынна* ‘Джырыбына Джырылыатта / Девушка-богатырь удалая, / Выпустив его, **сморщилась**, / Упустив, зубами закричала’ [26, с. 234–235]. *Сымарын* означает «принять страшное, угрожающее выражение лица (о человеке с крупными грубыми чертами лица)» [28, Т. 9, с. 419]. Более точное определение, на наш взгляд, дано в словаре Э. К. Пекарского *сымарытын* «делаться морщинистым, неровным» [31, Т. 2, стб. 2456] (ср. *сымарыттаҕас сирэйдээх* – имеющий некрасивое, морщинистое, будто опухшее лицо [там же]). В данном случае мы можем предположить, что основа глагола восходит к слову, относящемуся к лексике чувственного восприятия, *сымар* «вонь, смрад; скопление вонючих газов; запах; в соед. с *сыт*» [там же] (хотя звукосимволическое происхождение слова *сымар* не подтверждено). Возможно, здесь мы имеем дело с метафоризацией, т. е. с переносом значения по ассоциации: значение «вонь, плохой запах» связано с действием «морщить лицо от отвращения при плохом запахе». Подобный перенос значения наблюдается у образных глаголов, корни которых имеют звукоподражательное происхождение, когда звук ассоциируется с движением или состоянием. Например, *бал, балк* (звук падения студенистой, полужидкой или тестообразной массы [8, с. 260]) ассоциируется с чем-то мягким, растекшимся, отсюда возникли глаголы *балбай* – чрезмерно расплываться в ширь, быть слишком широким и пухлым, *баллай* – иметь чрезмерно толстые, вздутые губы, быть слишком толстым и вздутым и др. [8, с. 213].

Заключение

Таким образом, рассмотрено 5 полных текстов олонхо, в которых обнаружено 45 единиц (с учетом повторов и разных видовых форм, частей речи) образной лексики звукомимического происхождения, характеризующей различные выражения лиц персонажей. В результате компонентного анализа семантики и фоносемантического анализа обнаруженных единиц образной лексики, мы пришли к выводу, что их звукомимичность ярко проявляется в образных глаголах с семантикой «улыбка» (*мичий, ымай, ырдьай*), «открытый рот» (*аппай, амай, аңай*). Также нами выявлена значительная фоносемантическая роль гласных звуков (в основах *сыл-, сөтөр-, сөл-*), при произнесении которых рот и губы буквально принимают то же положение, что и описываемое выражение лица. В ходе исследования также обнаружен пример переноса значения путем метафоризации (*сымарын* от *сымар*).

Кроме этого анализ показал, что выражение лица персонажей олонхо является неотъемлемой частью их портретной характеристики. Определенное выражение лица (сдержанная улыбка,

оскал, открытый рот) может служить атрибутом, признаком принадлежности персонажа к Верхнему, Среднему или Нижнему миров.

Перспективы дальнейшего исследования особенностей образной лексики якутского языка в рамках эпического текста мы видим в обращении к большему объему материала данной лексики.

Литература

1. Ястремский С.В. *Грамматика якутского языка*. Иркутск: Изд-во книжного магазина П.И. Макушина; 1900:307.
2. Кулаковский А.Е. *Научные труды*. Якутск: Якут. кн. изд-во; 1979:483.
3. Герасимова С.А. Лексические средства образности в мансийских героических текстах. *Мир науки. Социология, филология, культурология*. 2020;4(11). URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/43FLSK420.pdf> (дата обращения: 23.08.2025).
4. Рахимова А.Р. Функционально-семантические особенности лексики, характеризующей человека, в эпосе «Идегей». *Филология и культура*. 2015;3(41):116–125.
5. Борисов Ю.П. Концепт «невеста богатыря» в ранних текстах якутского олонхо: феноменологический аспект. *Проблемы исторической поэтики*. 2023;2(21):66–85. <https://doi.org/10.15393/j9.art.2023.12222>
6. Герасимова Л.Н. Изобразительные глаголы в репрезентации концепта богатырь в якутском героическом эпосе олонхо. *Эпосоведение*. 2021;4(24):98–104. <https://doi.org/10.25587/s7462-4688-3258-v>
7. Жиркова Е.Е. Репрезентация концепта красота в олонхо средствами образной лексики якутского языка. В кн.: Кузьмина Е.Н. (ред.) *II Сибирский форум фольклористов: Тезисы докладов к 90-летию со дня рождения А.Б. Соктоева, основателя серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»*. Новосибирск: Алекспресс; 2021:52–54.
8. Харитонов Л.Н. *Типы глагольной основы в якутском языке*. Москва; Ленинград: Академия наук СССР; 1954:312.
9. Воронин С.В. *Основы фоносемантики*. Ленинград: Изд-во ЛГУ; 1982:244.
10. Скаличка В. Исследования венгерских звукоподражательных выражений. В кн.: Кондрашов Н.А. (ред.) *Пражский лингвистический кружок. Сборник статей*. Москва: Прогресс; 1967:277–317.
11. Чиронов С.В. *Ономатопозитические слова в современном японском языке (проблемы функционирования)*: Дис. ... канд. филол. наук. Москва: 2004:221.
12. Афанасьев Л.А. *Фоносемантика образных слов якутского языка*: Дис. ... канд. филол. наук. Якутск: 1992:133.
13. Егинова С.Д. *Образные прилагательные якутского языка (в сопоставлении с бурятским и киргизским языками)*. Новосибирск: Наука; 2014:232.
14. Николаева А.М. *Средства выражения экспрессивности в якутском языке*. Новосибирск: Наука; 2014:128.
15. Шагдаров Л.Д. *Изобразительные слова в современном бурятском языке*. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во; 1962:149.
16. Сундуева Е.В. *Звуки и образы: фоносемантическое исследование лексем с корневыми согласными [г/т] в монгольских языках*. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН; 2011:344.
17. Кудайбергенов С. *Подражательные слова в киргизском языке*. Фрунзе: Киргучпедгиз; 1957:106.
18. Исхаков А.И. О подражательных словах в казахском языке. В кн.: Кононов А.Н. (ред.) *Тюркологический сборник. Т. I*. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР; 1951:103–111.
19. Хусаинов К.Ш. *Звукоизобразительность в казахском языке*. Алма-Ата: Наука; 1988:232.
20. Михалев А.Б. *Теория фоносемантического поля*. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ; 1995:213.
21. Тимофеев-Теплоухов И.Г. *Строптивый Кулун Кулустуур = Куруубай Хааннаах Кулун Кулустуур*: якутское олонхо. Москва: Наука; 1985:605 (на якутском и рус. яз.).
22. Тимофеев-Теплоухов И.Г. *Куруубай Хааннаах Кулун Кулустуур*. Якутск: Якутское кн. изд-во; 1958:255 (на якутском яз.).
23. Бурнашев Н.П. *Кыыс Дэбиллэй: якутский героический эпос*. Новосибирск: Наука; 1993:326 (на якутском и рус. яз.). (Памятники фольклора народов Сибири Дальнего Востока)
24. Илларионов В.В. (ред.) *Хаан Дьаргыстай*. Якутск: Алаас; 2016:232 (на якутском яз.).

25. Хаан Джаргыстай. В кн.: Худяков И.А. *Верхоянский сборник: якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И.А. Худяковым*. Т. 1, Вып. 3. Иркутск; 1890:131–233.
26. Ядрихинский П.П. – Бэдьээлэ. *Дьырыбына Дьырылыатта кыыс бухатыыр = Девушка-богатырь Дьырыбына Дьырылыатта: олонхо*. Якутск: Көмүөл; 2019:508 (на якутском и рус. яз.). (Серия «Якутское олонхо»)
27. Порядин А.С. *Урун Уөдүйээн: олонхо*. Якутск: Изд. дом СВФУ; 2013:360 (на якутском яз.).
28. Слепцов П.А. (ред.) *Большой толковый словарь якутского языка=Саха тылын быһаарылаах улахан тылдьыта*. Т. 4–15. Новосибирск: Наука; 2007–2018.
29. Слепцов П.А. (ред.) *Толковый словарь якутского языка=Саха тылын быһаарылаах тылдьыта*. Т. 1–4. Новосибирск: Наука; 2004–2006.
30. Харитонов Л.Н., Коркина Е.И. (ред.) *Грамматика современного якутского литературного языка*. Фонетика. Морфология. Москва: Наука; 1982:504.
31. Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка*. В 3 томах. 2-е изд. Москва: Изд-во АН СССР; 1959.

References

1. Yastremskiy SV. *Grammar of the Yakut language*. Irkutsk: Publ. House of the Book store P.I. Makushin; 1900:307 (in Russian).
2. Kulakovskiy A.E. *Scientific works*. Yakutsk: Yakut Book Publ. House; 1979:483 (in Russian).
3. Gerasimova SA. Lexical means of imagery in Mansi heroic texts. *The world of science. Sociology, philology, cultural studies*. 2020;4(11). URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/43FLSK420.pdf> (accessed: August 23, 2025) (in Russian).
4. Rakhimova AR. Functional and semantic features of the vocabulary characterizing a person in the epic “Idegey”. *Philology and Culture*. 2015;3(41):116–125 (in Russian).
5. Borisov YuP. The concept of “the bogatyr’s bride” in the early texts of the Yakut olonkho: a phenomenological aspect. *Problems of historical poetics*. 2023;2(21):66–85 (in Russian). <https://doi.org/10.15393/j9.art.2023.12222>
6. Gerasimova LN. Figurative verbs in the representation of the concept of hero in the Yakut heroic epic olonkho. *Eposovedenie*. 2021;4(24):98–104 (in Russian). <https://doi.org/10.25587/s7462-4688-3258-v>
7. Zhirkova EE. Representation of the concept of BEAUTY in olonkho by means of figurative vocabulary of the Yakut language. In: Kuzmina EN. (ed.) *2nd Siberian Forum of Folklorists: Abstracts of reports for the 90th anniversary of the birth of A.B. Soktoev, founder of the series “Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East”*. Novosibirsk: Alexpress Publ.; 2021:52–54 (in Russian).
8. Kharitonov LN. *Types of verb stems in the Yakut language*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences; 1954:312 (in Russian).
9. Voronin SV. *Basics of phonosemantics*. Leningrad: Leningrad State University Publ. House; 1982:244 (in Russian).
10. Skalichka V. Studies of Hungarian onomatopoeic expressions. In: Kondrashov NA. (ed.) *Prague Linguistic Circle. Collection of articles*. Moscow: Progress Publ.; 1967:277–317 (in Russian).
11. Chironov SV. *Onomatopoeic words in modern Japanese (functioning issues)*: Candidate’s dissertation (Philology). Moscow; 2004:221 (in Russian).
12. Afanasyev LA. *Phonosemantics of figurative words in the Yakut language*: Candidate’s dissertation (Philology). Yakutsk; 1992:133 (in Russian).
13. Eginova SD. *Figurative adjectives in the Yakut language (in comparison with the Buryat and Kyrgyz languages)*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 2014:232 (in Russian).
14. Nikolaeva AM. *Means of expressiveness in the Yakut language*. Novosibirsk: Nauka Publ.; 2014:128 (in Russian).
15. Shagdarov LD. *Figurative words in the modern Buryat language*. Ulan-Ude: Buryat Book Publ. House; 1962:149 (in Russian).
16. Sundueva EV. *Sounds and images: a phonosemantic study of lexemes with root consonants [r/m] in the Mongolian languages*. Ulan-Ude: Publ. House of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS; 2011:344 (in Russian).
17. Kudaibergenov S. *Imitative words in the Kyrgyz language*. Frunze: Kirguchpedgiz Publ.; 1957:106 (in Russian).

18. Iskhakov AI. On imitative words in the Kazakh language. In: Kononov AN. (ed.) *Turkological collection. Vol. 1*. Moscow; Leningrad: Publ. House of the USSR Academy of Sciences; 1951:103–111 (in Russian).
19. Khusainov KSh. *Sound representation in the Kazakh language*. Alma-Ata: Nauka Publ.; 1988:232 (in Russian).
20. Mikhalev AB. *Theory of the phonosemantic field*. Pyatigorsk: Publ. House of Pyatigorsk State Linguistic University; 1995:213 (in Russian).
21. Timofeev-Teploukhov IG. *Obstinate Kulun Kullustuur*. Yakut olonkho. Moscow: Nauka Publ.; 1985:605 (in Yakut and Russian).
22. Timofeev-Teploukhov IG. *Obstinate Kulun Kullustuur*. Yakutsk: Yakutsk Book Publ. House; 1958:255 (in Yakut).
23. Burnashev NP. *Kyys Debiliye*: Yakut heroic epic. Novosibirsk: Nauka Publ.; 1993:326 (in Yakut and Russian). (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East)
24. Illarionov VV. (ed.) *Khaan Dzhangystai*. Yakutsk: Alaas Publ.; 2016:232 (in Yakut).
25. Khaan Dzhangystai. In the book: Khudyakov IA. *Verkhoyansk collection: Yakut fairy tales, songs, riddles and proverbs, as well as Russian fairy tales and songs recorded in the Verkhoyansk district I.A. Khudyakov*. T. 1, Issue 3. Irkutsk; 1890:131–233 (in Russian).
26. Yadrinskyy PP. – Bedzhele. *Girl-hero Dzhyrybyna Dzhyrylyatta: olonkho*. Yakutsk: Komuol Publ.; 2019:508 (in Yakut and Russian). (Series “Yakut Olonkho”)
27. Poryadin AS. *Yurung Ueduyeen: olonkho*. Yakutsk: Publ. House of NEFU; 2013:360 (in Yakut).
28. Sleptsov PA. (ed.) *Large explanatory dictionary of the Yakut language*. Vols 4–15. Novosibirsk: Nauka Publ.; 2007–2018.
29. Sleptsov PA. (ed.) *Explanatory dictionary of the Yakut language*. Vols 1–4. Novosibirsk: Nauka Publ.; 2004–2006.
30. Kharitonov LN., Korkina EI. (eds.) *Grammar of the modern Yakut literary language. Phonetics. Morphology*. Moscow: Nauka Publ.; 1982:504 (in Russian).
31. Pekarsky EK. *Dictionary of the Yakut language*. In 3 vols. 2nd ed. Moscow: Publ. House of the USSR Academy of Sciences; 1959.

Об авторе

Жиркова Евгения Егоровна, научный сотрудник сектора «Лингвофольклористика» Научно-исследовательского института Олонхо ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова», ORCID: 0000-0002-1821-5320, SPIN: 2183-1814, e-mail: jenyasyr@mail.ru.

About the author

Evgeniya E. Zhirkova, Researcher of the Sector “Linguofolkloristics”, Olonkho Research Institute, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, ORCID: 0000-0002-1821-5320, SPIN: 2183-1814, e-mail: jenyasyr@mail.ru.

Конфликт интересов/Conflict of interests

Автору неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

The author is not aware of any other potential conflict of interest relating to this article.

Поступила в редакцию 31.08.25/ Submitted 31.08.25

Принята к публикации 12.09.25 / Accepted 12.09.25